

УДК 343.1

Мартынова Татьяна Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой государственно-правовых
и общетеоретических дисциплин Кубанский институт
социэкономике и права (филиал)

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»

mtv_krasnodar@mail.ru

Tatyana V. Martynova

Candidate of law, associate Professor, Head of the Department
of state-legal and General theoretical disciplines

of the Kuban Institute of socio-Economics and law (branch)

OUP VO "Academy of labor and social relations"

mtv_krasnodar@mail.ru

**Мотивы ненависти или вражды в российском уголовном праве:
исторические контуры**

Motives of hatred or enmity in Russian criminal law: historical contours

Аннотация: В статье исследуется период становления российского государства и формирование его многонационального состава. С позиции автора подчеркивается своеобразие России, уникальность самосознания ее народа. Уделяется внимание вопросам развития регулирования межнациональных отношений с позиций уголовного законодательства. На основе суждений специалистов делаются выводы.

Ключевые слова: российское государство, правосознание, межнациональные отношения, религиозная нетерпимость, вражда, преступление, наказание, законодательство, уголовная ответственность, уголовная политика.

Abstract: the article investigates the period of formation of the Russian state and the formation of its multinational composition. From the point of view of the author emphasizes the originality of Russia, the uniqueness of the identity of its people. Attention is paid to the development of regulation of interethnic relations from the standpoint of criminal law. On the basis of experts' opinions conclusions are made.

Keywords: Russian state, legal consciousness, interethnic relations, religious intolerance, enmity, crime, punishment, legislation, criminal liability, criminal policy.

С момента своего возникновения российское государство формировалось как многонациональное. Расширяя свою территорию, Россия объединила в своем составе много народов, различные языки и культуры. Отметим, что большая часть народов и народностей вошла в состав российского государства фактически добровольно. Очевидно, что данный процесс не мог не создавать

трудностей и противоречий ходе становления и развития государства и права в России [1, с. 28].

Невзирая на то, что Россия, объединяет в своем составе множество этносов, языков и культур, под влиянием внешнего окружения в ней сложились два противоположных взгляда на ее будущее развитие, один из которых выступает за игнорирование российского своеобразия, отказ от самостоятельности, переход в русло «общечеловеческих» ценностей, а другой требует ее самоизоляции, заявляя о ее самодостаточности [2, с. 285].

В числе причин, которые определяют своеобразие России, уникальность самосознания ее народа, обычно выделяют три взаимосвязанных и взаимовлияющих друг на друга фактора: ее географическое, климатическое и геополитическое положение [1, с. 29].

В силу этого обстоятельства, различные проявления нетерпимости представителей одного народа к другим могли возникать вследствие ограничений прав многочисленных народностей, существовавших в составе России.

В этом случае из основной массы относительно малочисленной группы, национальной группы, переживающей враждебность к существующему вокруг нее общественному устройству, укладу жизни и сложившемуся мировоззрению большинства населения, начинает обособляться, так называемый, «малый народ», начинает работу, направленную на разрушение или модификацию старого, сложившегося общества.

Национальная обусловленность существования и проявления различных форм национальной нетерпимости определяется, таким образом, особенностями сформировавшегося уклада жизни этого народа.

Рассмотрение развития регулирования межнациональных отношений с позиций законодательства, в том числе и уголовного, показывает, что в течение продолжительного периода российской истории, вплоть до советского периода оно фактически отсутствовало [1, с. 30].

В период зарождения, развития и становления Российского государства сложно говорить о законодательном регулировании межнациональных, межэтнических отношений в целом.

В период Киевской Руси ее государственное устройство определялось христианским правосознанием, а основу национального законодательства составляло церковно-светское право, которое определяло государство и религию неразрывным целым, а всякое деяние, направленное против христианской веры, расценивало как посягательство на государство и его власть [3, с. 76].

Поэтому в российском праве, того времени, главное значение приобретала принадлежность человека к религии, а этнические, национальные, расовые и другие различия вообще никак не учитывались в нормативных актах.

Этот подход сохранялся в российском уголовном законодательстве весь дореволюционный период его существования. Любые преступные посягательства, которые содержали в себе признаки с национальной или

религиозной нетерпимости либо вражды, расценивались как общеуголовные преступления. Какого-либо усиления ответственности или наказания при их наличии закон не предусматривал.

Впервые нормы уголовного закона, связанные с использованием признаков ненависти и вражды, появляются в российском законодательстве, в советский период его развития.

С установлением государства пролетарской диктатуры возникают уголовно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность за некоторые виды контрреволюционной пропаганды и агитации. В качестве одной из форм такой пропаганды рассматривалось распространение сведений, порочащих или ущемляющих национальные какого-либо народа, подогревание национальной розни, призывы ограничению каких-либо наций и пр. [4, с. 206] Все эти действия расценивались как попытки разрушения одного из стержневых принципов пролетарской диктатуры—интернационализма. Помимо этого, считалось, что усиление национальной вражды используется врагами советского государства с целью ослабления и свержения его власти. Вследствие этого такие действия объявлялись контрреволюционными преступлениями.

Вступивший в действие в 1922 г. первый Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР 1922 г.) содержал норму, которая устанавливала ответственность за преступные посягательства на национальные отношения (ст.83 УК РСФСР 1922 г.) [5, с. 227].

Эта норма была включена в раздел, предусматривающий уголовную ответственность за совершение преступлений против порядка управления. Уголовная ответственность в ст. 83 УК РСФСР 1922 г. предусматривалась лишь за возбуждение ненависти и вражды на национальной почве в форме агитации и пропаганды. Данное деяние признавалось контрреволюционным преступлением, которое направлено непосредственно против государства, права и свободы конкретного человека в качестве его объекта не рассматривались.

Помимо криминализации мотива национальной ненависти и вражды, пролетарское государство в начальном периоде своего развития осуществляло уголовную политику, нацеленную на пресечение преступных проявлений по мотивам религиозной ненависти и вражды.

В январе 1918 г. был издан Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» провозгласивший принцип равных прав граждан вне зависимости от принадлежности к религии. В соответствии с данным положением в ст. 119 УК РСФСР 1922 г. была, установлена уголовная ответственность за «использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям»[6]. Этой нормой предусматривалась уголовная ответственность за распространение каких-либо учений религиозного характера и обеспечивалась охрана общегосударственной атеистической политики.

Таким образом, можно констатировать, что в УК РСФСР 1922 г. был установлен уголовно-правовой запрет на совершение деяний, мотивированных

национальной либо религиозной ненавистью и враждой. Несмотря, на то, что нормы эти были разрозненными и закреплялись в разных частях УК РСФСР 1922 г. и защищали, в первую очередь, интересы государства, следует признать, что они стали шагом вперед в защите законных прав и интересов отдельных граждан.

В принятом в 1926 г. УК РСФСР [7] (далее УК РСФСР 1926 г.) нормы о преступлениях, совершенных по мотивам национальной и религиозной ненависти и вражды были интегрированы в ст. 87 УК РСФСР 1926 г. и, таким образом, их разрозненность была устранена [8]. Однако использование этих признаков, по-прежнему связывалось исключительно с защитой интересов государства, что соответствовало требованиям уголовной политики того времени.

Эта позиция поддерживалась и судебной практикой. Верховный Суд РСФСР неоднократно указывал на необходимость строгого разграничения преступлений посягающих на интересы государства и аналогичные личные интересы, в частности отмечая, совершаемые с национальным и религиозным признаками, указывая на то, что оскорбления личного характера отдельных граждан, пусть даже основанные на национальной и религиозной почве, но не имеющие контрреволюционного, антигосударственного характера и в обстановке, не допускающей возможности расценить такое это деяние как политическое действия недопустимо квалифицировать на основании ст. 59-7 УК РСФСР 1926 г. [9, с. 34-36]

Однако действия, которые были связаны с насилием или издевательством над представителями национальных меньшинств, и были направлены против их жизни, прав и свобод трудящихся, а также фактически привели к ограничению прав, предоставленных им социалистическим государством Верховный Суд РСФСР, считал выходящими за пределы ст. 59-7 УК РСФСР 1926 г. и предлагал квалифицировать как контрреволюционное преступление, предусмотренное ст. 58-1 УК РСФСР 1926 г. [9, с. 34-36]

Позднее ст. 11 Закона СССР об уголовной ответственности за государственные преступления от 25 декабря 1958 г. установила уголовную ответственность за агитацию или пропаганду, имеющую целью возбуждение национальной или расовой, розни либо вражды, а также за прямое или косвенное ограничение прав либо установление преимуществ для отдельных граждан, в зависимости от их национальной или расовой принадлежности. тем, Таким образом, унификация данной нормы была завершена и установлена равная ответственность как за посягательство на интересы государства, так и за посягательство на права отдельных граждан. При этом впервые появился признак расовой ненависти или вражды, а признак религиозной ненависти и вражды был исключен из текста уголовно-правовой нормы [10, с. 27].

Данная норма дословно, без каких-либо изменений, было имплементирована в ст. 74 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. [11], установив в российском уголовном законе ответственность не только за агитацию и пропаганду, имеющие целью возбуждение национальной или расовой вражды

либо розни, а также за деяния, направленные на ограничение прав либо дискриминацию граждан по национальным или расовым признакам.

В дальнейшем норма ст. 74 УК РСФСР 1960 г. неоднократно изменялась. Она была дополнена рядом квалифицирующих признаков, предусматривавших совершение данного преступления с применением насилия, использованием обмана либо угроз, должностным лицом, а также и особо квалифицирующими признаками, такими как групповой способ совершения, тяжкие последствия в виде гибели людей или иных. В сторону ужесточения изменялись и санкции этой нормы.

27 августа 1993 г. Законом РФ № 5668-1 в число признаков основного состава ст. 74 УК РСФСР 1960 г. был возвращен признак религиозной ненависти и вражды, а также признак пропаганды исключительности или неполноценности граждан по признаку национальной, расовой или религиозной ненависти, или вражды [12].

Внесение изменений в эту норму было обусловлено принятием Конституции Российской Федерации 1993 г., которое привело к изменению приоритетов российской уголовной политики на первоочередную - охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Новый Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), принятый в 1996 г. в полной мере соответствовал положениям Конституции РФ и изначально содержал в себе нормы, которые были направлены на охрану прав и свобод граждан от посягательств, основанных на национальной, расовой или религиозной ненависти либо вражде.

Эти признаки были отнесены законодателем к субъективной стороне соответствующих составов преступлений и сформулированы в форме мотивов ненависти либо вражды, то есть признаков, ранее не использовавшихся в российском уголовном законе.

Первоначальный текст УК РФ содержал указание на данный мотив в качестве конструктивного признака ст. 282 УК РФ, а в качестве квалифицирующего в п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «з» ч. 2 ст. 117; п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ. Кроме того, данный признак содержался в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность и наказание.

Следует заметить, что криминализация перечисленных признаков помимо прочего определялась желанием российского государства периода распада Советского Союза обеспечить стабильность межэтнических, межнациональных и межконфессиональных отношений и исключить любые возможные конфликты, основанные на национальной, расовой или религиозной вражде.

В конце 90-х – начале 2000-х годов в уголовной политике активно стали проявляться тенденции усиления уголовной ответственности за преступления террористического характера, немало число которых совершались именно как следствие национальной, расовой или религиозной вражды. Эти преступные деяния имели ярко выраженную экстремистскую направленность, отличались дерзостью и жестокостью. Их совершение привело к многочисленным

человеческим жертвам.

Эти перемены в уголовной политике привели к расширению сферы использования исследуемых признаков в уголовном законе.

Литература:

1. *Феномен экстремизма/Под ред. А.А. Козлова. – СПб.: СПбГУ, 2000. С. 28.*
2. *Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей/Н.И. Костомаров. – М.: Эксмо, 1993. С. 285.*
3. *Жеребченко, А.В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства: Дис. ... канд. юрид. наук/А.В. Жеребченко. – М.: РГБ, 2009. С. 76.*
4. *Шведков, Г.В. Первый Советский уголовный кодекс/Г.В. Шведков. – М.: Высшая школа, 1970. С. 206.*
5. *Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. – Л.: Наука, 1973. С. 227.*
6. *Уголовный кодекс РСФСР//СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.*
7. *Уголовный кодекс РСФСР//СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.*
8. *УК РСФСР. Комментарий/Под ред. И.Т. Голякова. – М.: Госюриздат, 1946. С. 168.*
9. *Исаева, Т.Б. Законодательство и наука советского государства о терроризме/Т.Б. Исаева//История государства и права. 2009. № 1. С. 34-36.*
10. *Сборник документов по истории уголовного законодательства РСФСР (1953-1991 г.). Ч. 1. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. С. 27.*
11. *Уголовный кодекс РСФСР//Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.*
12. *О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: закон РФ от 27.08.1993 № 5668-1//РГ. 1993. 9 сент.*

Literature:

1. *Extremism phenomenon / Under the editorship of A.A. Kozlov. – SPb.: St.Petersburg State University, 2000. Page 28.*
2. *Kostomarov, N.I. The Russian history in biographies of her chief figures / N.I. Kostomarov. – M.: Eksmo, 1993. Page 285.*
3. *Zherebchenko, A.V. Criminal liability for arousing hatred or hostility, and humiliation of human dignity is equal: Yew.... edging. юрид. sciences / A.V. Zherebchenko. – M.: RGB, 2009. Page 76.*
4. *Shvedkov, G. V. First Soviet criminal code / G.V. Shvedkov. – M.: The higher school, 1970. Page 206.*
5. *Course of the Soviet criminal law. Special part. T. 3. – L.: Science, 1973. Page 227.*
6. *Criminal code of RSFSR//SU of RSFSR. 1922. No. 15. Art. 153.*
7. *Criminal code of RSFSR//SU of RSFSR. 1926. No. 80. Art. 600.*

8. *UK RSFSR. The comment / Under the editorship of I.T. Golyakov. – M.: Gosyurizdat, 1946. Page 168.*
9. *Isaeva, T.B. Legislation and science of the Soviet state on terrorism/T. B. Isaeva//History of state and law. 2009. No. 1. Page 34-36.*
10. *The collection of documents on stories of the criminal legislation of RSFSR (1953-1991). P.1. – Kazan: Publishing house Kazan. un-that, 1992. Page 27.*
11. *Criminal code of RSFSR//Sheets of VS RSFSR. 1960. No. 40. Art. 591.*
12. *About modification and additions in the Criminal code of RSFSR, the Code of Criminal Procedure of RSFSR and the Code of RSFSR about administrative offenses: act of the Russian Federation of 27.08.1993 No. 5668-1//RG. 1993. 9 Saint.*